

Генри Хаггард

Бенита

Генри Райдер Хаггард

Бенита

«Public Domain»

1906

Хаггард Г.

Бенита / Г. Хаггард — «Public Domain», 1906

Действие незаслуженно забытого произведения «Бенита» происходит в Африке. Основные интриги развиваются вокруг вечно захватывающей темы – поиска сокровищ. Необычайные приключения главных героев на фоне реального быта племен, оживших легенд и верований делают чтение не только увлекательным, но и познавательным.

Содержание

Глава I. Откровенность	6
Глава II. Конец «Занзибара»	10
Глава III. Как Роберт добрался до берега	12
Глава IV. Мистер Клиффорд	14
Глава V. Джекоб Мейер	16
Глава VI. Дукат	19
Глава VII. Посольство	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Генри Райдер Хаггард Бенита

* * *

Глава I. Откровенность

Чудная, чудная была эта ночь! Воздух не колыхался; черные клубы дыма из труб почтового парохода «Занзибар» низко стлались над поверхностью моря, точно широкие, плавающие страусовые перья, которые одно за другим исчезали при свете звезд. Бенита Беатриса Клиффорд (это было полное имя молодой девушки, которую называли Бенитой в честь матери, а Беатрисой в честь единственной сестры отца) стояла, опершись на перила, и мысленно говорила себе, что по такому морю всякий ребенок мог бы пуститься в берестяном челне и благополучно доплыть до гавани.

Но вот высокий, куривший сигару, молодой человек, лет тридцати, подошел к ней. Она немного подвинулась, желая дать ему место возле себя, и это движение могло бы многое сказать постороннему наблюдателю об их дружеских отношениях. С секунду он колебался, и выражение сомнения, даже печали показалось на его лице; словно он считал, что многое зависело от того, примет ли он это безмолвное приглашение или откажется от него и не знал, как поступить.

И, действительно, многое зависело от этого, а именно, судьба их обоих.

Едва он сделал шаг вперед, чтобы пройти дальше, Бенита заговорила своим низким, приятным голосом:

– Вы идете в курительную комнату или в салон танцевать, мистер Сеймур? Один из офицеров сказал мне, что затеваются танцы, – прибавила она, – ведь, море до того спокойно, что мы можем вообразить себя на берегу!

– Нет, – ответил он. – В курительной комнате слишком душно, а дни, когда я танцевал, уже прошли. Я просто собирался походить после этого обеда, а потом сесть в кресло и заснуть. – Но тут голос говорившего оживился. – Как вы узнали, что это я? Вы не повернулись ко мне.

– У меня не только глаза есть, но и уши, – ответила она с легким смехом. – А после того как мы около месяца пробыли на одном пароходе, я должна знать вашу походку.

Некоторое время оба молчали; наконец он спросил ее, пойдет ли она танцевать. Бенита покачала головой.

– Я знаю, – сказала она, – танцевать было бы приятно, но... мистер Сеймур, не сочтете ли вы меня безумной, если я скажу вам кое-что?

– Я никогда не считал вас безумной, мисс Клиффорд, не подумаю этого и теперь. В чем дело?

– Я не буду танцевать, потому что боюсь, да, я ужасно боюсь...

– Бойтесь? Бойтесь чего?

– Не знаю. Может быть, это в воздухе... но мне кажется, что подходит беда... Это чувство охватило меня во время обеда; вот почему я ушла из-за стола.

– Все это оттого, что мы слишком много едим на пароходе, – заметил Сеймур. – Ведь, глядя на такое море, трудно подумать о надвигающейся катастрофе. Посмотрите, мисс Клиффорд, – прибавил он с восторгом, указывая на восток, – смотрите!

Бенита посмотрела на луну, на серебряную дорогу под нею, потом обернулась в сторону берега и сказала:

– Наконец-то Африка близко.

– Нахожу, что слишком близко, – ответил Сеймур. – Если бы я был капитаном, я держался бы подальше. Это удивительная, полная неожиданностей страна. Мисс Клиффорд, вы не сочтете меня нескромным, если я спрошу вас, почему вы едете в Африку? Вы никогда не говорили мне об этом.

– Нет, не говорила, потому что это печальная история; если хотите, я расскажу. Хотите?

Сеймур утвердительно кивнул головой и придвинул два палубных кресла; оба уселись на них в уголке, который образовала одна из поднятых на палубу шлюпок.

– Вы знаете, что я родилась в Африке, – сказала Бенита, – и жила там до тринадцати лет. Я до сих пор могу говорить на зулусском наречии; сегодня днем я говорила на нем. Мой отец поссорился со своим отцом, из-за чего – не знаю, и эмигрировал. В Натале он женился на моей матери, мисс Ферейра; ее звали как меня и ее собственную мать – Бенитой. У нее была сестра. Их отца, Андреаса Ферейра, женившегося на англичанке, следовало считать наполовину голландцем, наполовину португальцем. Я хорошо помню его – такой красивый старик, с темными глазами и серой бородой. По тем временам он был богат, то есть владел большими участками земли в Натале и Трансваале и имел огромные стада. Итак, вы видите, что я наполовину англичанка, немного голландка, на четверть португалка, – настоящая смесь! Мой отец с матерью ладили плохо. М-р Сеймур, я скажу вам всю правду: он пил, хотя чувствовал к жене страстную привязанность, она же его ревновала. Кроме того, он проиграл большую часть ее наследства, и когда старый Андреас Ферейра умер, они обеднели. Раз ночью между ними произошла ужасная сцена, и он, обезумев, ударил ее.

Она была очень горда и решительна и, обернувшись к нему, сказала (я слышала это): – «Я никогда тебе не прощу, между нами все кончено». На следующее утро мой отец, уже трезвый, просил у нее прощения, но она ничего не ответила, хотя он уезжал куда-то на две недели. Когда он уехал, она приказала запрячь капскую фуру, уложила вещи, взяла кое-как сбережения, поехала в Дурбан и, сделав несколько распоряжений в банке относительно своего личного маленького состояния, вместе со мною отплыла в Англию.

В Лондоне мы поселились с моей теткой, которая прежде была замужем за майором Кингом, но к этому времени овдовела и жила с пятью детьми. Мой отец часто писал матери, прося ее вернуться, но она не соглашалась, и думаю, поступила нехорошо. Так продолжалось двенадцать лет или больше; наконец, моя мать умерла внезапно, я наследовала ее небольшое состояние с доходом в двести-триста фунтов в год; свой маленький капитал она поместила так, что никто не может взять его. Скончалась она приблизительно год тому назад. Я написала отцу о ее смерти и получила от него грустное письмо; у меня есть несколько его писем. Он молил меня приехать к нему, не дать ему умереть одиноким и говорил, что умрет от разбитого сердца, если я не исполню его просьбу. Он уверял, что давно перестал пить, так как вино расстроило его жизнь, и прислал удостоверение об этом, подписанное судьей и доктором. И вот, несмотря на уговоры моих двоюродных братьев, сестер и тетки, я согласилась – и теперь пароход несет меня в Африку. Отец должен встретить меня в Дурбане, но как мы узнаем друг друга – не знаю. Мне хочется видеть его, так как, в конце концов, он мой отец.

– Не удивляйтесь, мисс Клиффорд, я однажды встретил вашего отца. Как я говорил вам, я уже побывал в южной Африке при других обстоятельствах. Четыре года тому назад я охотился там на крупную дичь. Направляясь от восточного берега, мы с братом (он уже умер, бедный!) попали в страну матабелов на берегах Замбези. Не найдя там дичи, мы собирались двинуться на юг, но туземцы рассказали нам об удивительных развалинах над рекой, в нескольких милях от нас. Оставив фуру по эту сторону высокой гряды, через которую было бы трудно перевезти ее, мы с братом захватили ружья, мешок с провизией и двинулись в путь. Развалины были дальше, чем казалось, однако с возвышенности мы довольно ясно рассмотрели их. Скоро стемнело.

Перед стеной мы заметили фуру и палатку и, решив, что они принадлежат белым, пошли к этой стоянке. В палатке светился огонь, пола ее была откинута, так как стояла очень жаркая ночь. В ней сидело двое людей: старик с седой бородой и красивый малый, лет сорока, с темными, яркими глазами и с черной остроконечной бородкой. Они рассматривали груды золотых бусин и безделушек, лежавших на столе между ними. Я хотел заговорить, в эту минуту черно-

бородый человек услышал или увидел нас, схватив ружье, прислоненное к столу, он быстро повернулся и прицелился в меня...

– Ради Бога, не стреляйте, Джекоб, – сказал старик, – это англичане.

– Во всяком случае, лучше, если они умрут, – ответил тот мягким голосом с легким иностранным акцентом. – Нам не нужно ни шпионов, ни воров!

– Мы ни то, ни другое, но я умею стрелять так же хорошо, как вы, мой друг, – заметил я и направил на него дуло.

Он опустил свое ружье, и мы объяснили, что отправились в археологическую экспедицию, разговорились – и скоро расстались настоящими друзьями с нашими новыми знакомыми; причем, ни я, ни мой брат не могли сойтись с мистером Джекобом... Его фамилию я забыл. Меня поразило, что он необыкновенно ловко владел ружьем, и, насколько я понял, у него было таинственное и довольно темное прошлое. Не стану распространяться слишком долго; скажу только, что, поняв наши намерения, ваш отец (это был он) откровенно рассказал, что они искали сокровище, два или три столетия тому назад спрятанное в этой местности португальцами. Но племя макалангов, занявшее крепость Бомбатце, не позволило им производить нужные раскопки, говоря, что ее хранит призрак, что если потревожат землю, это принесет всем несчастье.

– Они отыскивали золото? – спросила Бенита.

– Не знаю, потому что на следующий день мы ушли.

– А что это за дух Бомбатце, мистер Сеймур?

– Не могу сказать вам. Я знал только, что призрак – белая женщина, которая иногда на восходе или при лунном свете появляется на острие той скалы, о которой я рассказал вам. Помню, я до зари поднялся, чтобы увидеть привидение... как идиот, потому что, конечно, я ничего не увидел. Вот и все, что я знаю об этом.

Оба замолчали, потом Сеймур сказал:

– Вы рассказали мне вашу историю, хотите послушать мою?

– Да, – ответила она.

– Вам не придется слушать долго, мисс Клиффорд, мне, как бедному точильщику Кенинга, нечего рассказывать. Перед вами один из самых бесполезных людей на свете, ничем не отличившийся член класса, который в Англии называется высшим. Человек, не умеющий делать ничего, что стоит делать, кроме стрельбы. Я не получил ни одной профессии, я не работал и в результате в тридцать два года, я, разоренный, потерявший почти всякую надежду человек.

– Почему вы разорены и утратили надежду? – тревожно спросила она. Его тон огорчал ее больше всего.

– Я разорен потому, что мой старый дядя, почтенный Джон Сеймур, наследником которого я считался, совершил безумие – женился на молоденькой девушке, которая подарила ему цветущих близнецов. С появлением их на свет исчезли мои надежды на наследство, а также сумма в тысячу пятьсот фунтов, которую дядя ежегодно любезно выдавал мне с тем, чтобы я поддерживал свое положение в свете. У меня были кое-какие собственные средства, но также и долги. В настоящее время аккредитив на 2.163 фунта и 14 шиллингов и маленькая наличная сумма представляют все, что у меня имеется за душой.

– Я не считаю это разорением, эта сумма – целое богатство, – с облегчением сказала Бенита. – Имея две тысячи фунтов, вы в Африке можете нажить состояние. А почему же у вас нет надежды?

– Да, мне абсолютно нечего ждать в будущем. Поистине, когда я истрочу эти две тысячи фунтов, я не сумею заработать и шести пенсов. Стоя перед такой дилеммой, я нашел, что мне остается только использовать свое умение стрелять и сделаться охотником. Я собираюсь охо-

титься на слонов, пока какой-нибудь слон не убьет меня. По крайней мере, – прибавил Сеймур изменившимся голосом, – я собирался поступить так еще полчаса тому назад.

Глава II. Конец «Занзибара»

– Полчаса тому назад? Почему же... – и Бенита замолчала.

– Почему я изменил мой скромный план жизни? Мисс Клиффорд, я сказал вам, чем я был полчаса тому назад, теперь расскажу, что я такое в данную минуту. Перед вами человек, который раскаивается, человек, для которого открылся новый мир. Я не очень стар и думаю, что все-таки у меня есть некоторые способности. Может быть, мне на пути встретится возможность удачи, если же нет, я ради вас постараюсь найти такую возможность. Я хочу начать жить для вас более полно, чем в прошлом жил для себя. Если вы отдадите мне вашу руку, я еще смогу сделаться таким мужем для вас, которым вы будете гордиться, если нет, я напишу «конец» на могильном камне надежд Роберта Сеймура. Я чувствую, что мне не доставало именно вашей помощи, и молю вас выйти за меня замуж, хотя впереди вижу только бедность, потому что по натуре я искатель приключений.

– Не говорите так, – быстро сказала она, – все мы искатели приключений в этом мире.

– Хорошо, мисс Клиффорд. Тогда, значит, мне нечего больше говорить, теперь предстоит ответить вам.

Как раз в это время на капитанской палубе произошло смятение. Роберт увидел, как какой-то человек бросился вперед. Через минуту в машинном отделении отчаянно зазвонил колокол. Роберт знал этот сигнал: он обозначал «стой». Раздался новый звон: «задний ход на всех парах».

– Не знаю, что там такое? – сказал молодой человек своей даме.

Но раньше, чем замолкли его слова, все стало ясно. Казалось, весь нижний корпус громадного парохода совершенно остановился, тогда как верхняя его часть продолжала двигаться вперед; затем появилось другое, еще более ужасное ощущение: ноги скользили, беспомощно, тяжело, как по льду или по натертому полированному полу. Брусья хрустнули, веревки разорвались надвое с шумом пистолетного выстрела, тяжелые предметы понеслись по палубе. Толчок сорвал Бениту со стула, она натолкнулась на Роберта и оба упали. Он не ушибся и быстро вскочил, но она лежала неподвижно, и Сеймур увидел, что какой-то тяжелый предмет ушиб ей голову. Кровь бежала по ее щеке. Он поднял ее, и полный ужаса и отчаяния, прижал руку к ее сердцу. Слава Богу, оно снова начало биться. Она была жива!

Музыка прервалась, и короткое время в салоне стояла полная тишина. Потом мгновенно поднялся ужасающий крик, люди с безумными глазами бесцельно кидались туда и сюда; слышались вопли и визг женщин и детей; какой-то священник громко молился, упав на колени.

Роберт некоторое время стоял и думал; он прижимал потерявшую сознание Бениту к груди, и кровь из ее раны текла на его плечо. Но вот он решился.

Она занимала палубную каюту. Не выпуская ее из рук, Сеймур стал пробираться через беспорядочную толпу пассажиров; на этом пароходе было около тысячи человек! Кюта Бениты оказалась пуста, пассажирка, которая помещалась вместе с нею, убежала. Положив молодую девушку на нижнюю койку, Сеймур зажег свечу в качающемся подсвечнике, отыскал два спасательных пояса и один из них, не без большого труда, надел мисс Клиффорд, потом, взяв губку и напивав ее водой, омыл ее окровавленную голову. На виске Бениты виднелась рана в том месте, где блок или что-то другое ударило ее, оттуда все еще сочилась кровь. Рана эта была не очень глубока или широка, и, насколько мог судить Сеймур, черепная кость уцелела и не вогнулась внутрь. Он надеялся, что Бенита только оглушена и скоро очнется. Больше Сеймур ничего не мог сделать для нее, в эту минуту ему пришла в голову одна мысль. На полу, сбита толчком, лежала ее шкатулка с принадлежностями для письма. Он открыл ящик и, вынув из нее лист бумаги, быстро набросал карандашом:

«Вы мне не ответили, и, вероятно, я не узнаю этого ответа на земле, которую один из нас или мы оба, может быть, скоро покинем. Если же мне суждено погибнуть, а вам остаться, надеюсь, вы будете хорошо думать обо мне иногда, как о человеке, который искренно любил вас. Может статься, погибнете вы, и никогда не прочтете этих слов. Но, если мертвым дано знать происходящее на земле, вы увидите меня таким же, каким покинули: вашим и только вашим. Но, может быть, мы оба останемся живы, я страстно желаю этого». Р. С. С.

Он сложил бумагу, засунул ее за кофточку Бениты и вышел на палубу, чтобы видеть происходящее. Пароход все еще шел, но двигался медленно, кроме того, он кренился теперь так сильно, что стоять на палубе было трудно.

Приблизительно через минуту пароход остановился. Капитан слишком поздно решил пожертвовать своим судном и спасти тех, кто еще был жив. Матросы начали готовить шлюпки. Роберт вернулся в каюту, где все еще лежала Бенита, он завернул ее в тальму и одеяло и, увидев на полу второй спасательный пояс, надел его на себя, зная, что времени достаточно. Подняв Бениту и сообразив, что все кинутся к старборду, где шлюпки низко висели над водой, он с трудом отнес ее по крутому подъему к противоположному борту. Там висел катер, который, как знал Роберт, должен был попасть в руки хорошего человека, второго офицера.

Действительно, у левого борта толпа была редка; большая часть пассажиров думала, что катер невозможно благополучно спустить; тем же несчастным, рассудок которых померк, инстинкт подсказывал бежать к старборду. Между тем, искусный моряк, второй офицер и подчиненный ему экипаж уже работали, готовя катер к спуску.

– Теперь, – сказал офицер, – прежде всего женщины и дети!

Пассажиры бросились к катеру. Роберт увидел, что там скоро совсем не останется места.

– Боюсь, – сказал он, – что мне следует счесть себя женщиной, так как я несу даму. – И, сделав большое усилие, поддерживая Бениту одной рукой, он по веревке спустился вниз и, с помощью матроса, благополучно добрался до катера.

Еще двое мужчин карабкались вслед за Робертом.

– Отчалить, – сказал офицер, – катер не сможет выдержать груза больше.

Веревки отпустили. Когда катер уже отошел футов на двенадцать от парохода, к левому борту кинулась толпа обезумевших людей, которые не нашли места в шлюпках со старборда. Одни, самые смелые, спускались по бортам, другие прыгали и падали на них или в море. Перегруженный катер шел, огибая «Занзибар», который покачивался, словно в предсмертных муках. Командующий офицер думал доставить своих пассажиров на берег, и потому его маленькому судну пришлось подойти к старборду погибавшего парохода. Ужасные сцены разыгрывались там. Сотни пассажиров, как звери, боролись из-за мест, многие шлюпки опрокинулись, и спасавшиеся упали в воду. Через корму на обрывках веревок перевешивались несчастные и, слабея, один за другим падали. Возле еще не спущенных шлюпок шла адская борьба; мужчины, женщины и дети дрались за места в лодках; потеряв человеческие чувства, сильные не выказывали сострадания к слабым...

От толпы, большая часть которой была осуждена на гибель, поднялся гул; крики сливались в один длительный вопль, такой ужасный, какой мог бы вырваться из уст титана в агонии. И над этой картиной раскинулось спокойное, залитое лунным светом небо; кругом было море, гладкое, как зеркало. С парохода, который теперь лежал на боку, неся призывный вой сирены, и несколько храбрецов продолжали пускать ракеты, взлетающие к небу, рассыпавшиеся в высоте градом звезд.

«Занзибар» закачался, как умирающий кит, и окончательно перевернулся... Лунные лучи заиграли на его киле, показался зубчатый пролом, пробитый подводной скалой. Вскоре все исчезло. Только маленькое облако дыма и пара указывало на то место, где еще недавно высился пароход.

Глава III. Как Роберт добрался до берега

– Господа, – сказал офицер, – я выйду в открытое море и останусь там до рассвета. Может быть, мы встретим какое-нибудь судно. Если же постараемся сейчас подойти к берегу, то, конечно, береговой прибой уничтожит катер...

Никто не возражал; все были ошеломлены и не могли говорить; но Роберт мысленно сказал себе, что офицер решил поступить разумно. Катер двинулся; однако не прошел и нескольких ярдов, как что-то черное поднялось рядом с ним. Обломок погибшего парохода! За него цеплялась женщина, прижимая к груди какой-то сверток. Она была жива, кричала и просила, чтобы ее взяли на катер.

– Спасите меня и мое дитя, – все повторяла она, – ради Бога...

Роберт узнал этот прерывающийся голос; спаслась молодая женщина, с которой он дружески сошелся. Она ехала со своим ребенком в Наталь. Он протянул руку, схватил ее, но офицер сказал каменным голосом:

– Катер перегружен. Если мы возьмем эту леди в катер, кто-нибудь должен выйти из него. Я сам выбросился бы в море, но мой долг остаться. Найдется ли мужчина, желающий уступить ей место?

Все мужчины – их было семеро, кроме матросов, – опустили головы и молчали.

– Вперед, – сказал офицер тем же каменным тоном, – она отпустит руки.

Роберт решился – и быстро сказал, обращаясь к офицеру:

– Мистер Томсон, даете ли вы мне слово: если я брошусь в воду, взять в катер ее и ее дитя?

– Конечно, мистер Сеймур.

– Тогда остановитесь, я выброшусь... Если кто-нибудь из вас останется в живых, скажите этой даме, как я умер, – и он указал на Бениту, – и прибавьте, что мне казалось, что она одобрила бы мой поступок.

– Ей скажут, – снова ответил офицер, – и если будет возможность, ее спасут.

– Держите миссис Джефрис, – обратился он к матросам, – я оставлю для нее мое пальто...

Один из матросов исполнил его желание, и Роберт поцеловал в лоб Бениту, потом осторожно опустил ее на дно катера, освободился от пальто и медленно перекатился через борт в воду.

– Теперь, – сказал он, – тащите миссис Джефрис!

Это исполнили не без труда, и Сеймур увидел, как измученная женщина и ее ребенок без чувств упали на его место.

Катер отошел и вскоре исчез в тумане.

Роберт лежал на той доске, которая спасла жизнь миссис Джефрис. Сеймур хорошо знал положение берега; теперь в полной тишине он слышал грохот могучего прибоя о камни.

Странное это было путешествие по тихому морю, под тихими звездами, и странные мысли приходили в голову Роберта...

Долины между водными горами сделались глубже; на противоположных валах стали появляться белые гребни. Сеймур попал в волны прибоя, и тут началась борьба за жизнь.

Роберт с трудом удерживался на доске, ее края резали ему руки. Когда волны накрывали его, он задерживал дыхание, когда они отбрасывали его – он снова набирал воздух быстрыми глотками, И вдруг взлетел, упал и, теряя сознание, почувствовал под ногой дно. Еще мгновение – и страшная сила подхватила его. Он испытывал невыразимую тяжесть. Вода вырвала у него доску, однако пробковый пояс снова поднял его. Отхлынувшие волны унесли его в более глубокое место, беспомощного, в полном отчаянии.

Опять нахлынул громадный вал, такой большой, каких Сеймур еще никогда не видывал, «отец волн», по выражению кафров. Вал подхватил Роберта, обнял громадным зеленым гребнем и перенес, как соломинку, через жестокую гряду камней. Ван с громом разбился, ударил его о каменисто-песчаную мель, образованную речкой и, толкая своей несокрушимой силой, катил до тех пор, пока эта мощь не истощилась, и пена не начала отступать обратно к морю, засасывая и несчастного пловца.

Роберт почти потерял сознание, но у него осталась искра рассудка, и он понял, что если вода снова увлечет его в глубину, он погибнет. Чувствуя, что море засасывает его, Сеймур с силой запустил руки в песок и, на его счастье, они уцепились или за ствол дерева в почве, или за камень, во всяком случае за что-то твердое, он отчаянно сжал свою опору... Неужели эта пытка никогда не кончится?

Катер, в котором лежала Бенита, был сильно загружен, гребцы с трудом работали веслами против прилива; численность пассажиров мешала им. Вскоре поднялся легкий ветер с суши, как это часто бывает к утру, и Томсон решил поднять парус. Это было сделано не без труда, потому что пришлось вытащить из-под банок мачту и поставить ее. Женщины начали кричать, когда катер наклонился, и его борта почти коснулись уровня воды.

– Каждый, кто пошевелится, будет выброшен за борт, – сказал офицер, управляющий рулем. Все утихло.

Катер шел довольно быстро в море, но моряки, сознававшие положение вещей, тревожились: появились признаки того, что ветер усилится, а при волнении загруженный катер вряд ли уцелеет бы.

Все это время Бенита лежала без чувств; мальчик, который поставил на нее ноги, сказал, что она, вероятно, умерла и что ее лучше всего бросить за борт и облегчить катер.

– Если вы бросите в воду эту леди, живую или мертвую, – сказал Томсон, поднимая глаза, – вы отправитесь вслед за нею, мистер Баттон. Помните, кто принес ее сюда и как он умер.

И Баттон замолчал; Томсон поднялся, окинул взглядом широкое пространство моря, потом наклонился к поднывавшему матросу и шепнул ему несколько слов, тот кивнул головой.

– Это, вероятно, пароход другой компании, – сказал он.

Пассажиры, повернув головы, увидели на горизонте полоску дыма. Были отданы приказания; подняли небольшой парус с привязанным наверху клочком белого полотна, заработали весла.

Пароход все шел, но вот послышался звук его сирены; через полминуты он остановился.

– Нас заметили, – сказал Томсон. – Благодарите Бога, потому что поднимается ветер. Спустите парус, он нам больше не понадобится.

Через полчаса ветер, действительно, уже поднял волны и легкие брызги воды перелетали через корму катера, который с большими предосторожностями был привязан к веревке, опущенной с палубы парохода «Кестл», шедшего в Наталь. Вот со стуком упали лестницы, и сильные люди, стоя на ступенях, начали поднимать одного пассажира за другим на пароход, спасая их от смерти, к которой они были так близки.

Глава IV. Мистер Клиффорд

Хотя ушиб, полученный Бенитой, заставил ее пролежать без чувств много часов, однако рана молодой девушки не была по-настоящему серьезна: упавший блок скользнул по лбу, и, несмотря на разорванную кожу, череп был цел. Благодаря надлежащей медицинской помощи, она скоро очнулась, но не вполне, и бредила, воображая себя на «Занзибаре».

Лишь на третье утро Бените сообщили правду, которую нельзя было дольше скрывать. В ее каюту пришел мистер Томсон и рассказал ей все. Она слушала молча, изумленная, пораженная ужасом.

– Мисс Клиффорд, – сказал он в заключение, – редко кто-нибудь из людей совершал такой храбрый поступок. На пароходе он мне казался гордым, надменным малым, но он был замечательный человек, и я молю Бога, чтобы он остался жив, как осталась жива та дама с малюткой, ради которых он рискнул жизнью. Они теперь вполне поправились.

– Да, – машинально повторила она, – действительно, замечательный человек, – и прибавила со странной уверенностью: – Я думаю, он жив.

– Очень рад, что вы говорите так, – сказал Томсон, вполне убежденный в противном.

Он передал ей записку, которую нашли у нее за лифом, и чувствуя, что не может больше выносить ужасной сцены, вышел из каюты. Бенита два раза жадно прочитала строки, набросанные Сеймуром, прижалась к ним губами и прошептала:

– Да, я буду с любовью думать о тебе, Роберт Сеймур, и отвечу, если мы когда-нибудь встретимся с тобой.

«Кестл» пришел к Дурбану и бросил якорь: слишком большой пароход не мог перейти через мель. На заре экономка разбудила Бениту и сказала, что какой-то старый джентльмен подплыл к пароходу в береговой шлюпке и желает видеть ее; боясь подать ложные надежды, она особенно подчеркнула слово «старый». С ее помощью Бенита оделась и, когда солнце поднялось, заливая светом весь Наталь, она вышла на палубу и увидела подле бульверка тонкого, седобородого человека, которого узнала, несмотря на долгие годы разлуки.

Она невольно вздрогнула, увидев этого задумавшегося старика. Ведь это был все-таки ее отец! Может быть, не только он был виновен в ссоре с женой... Она подошла к нему и дотронулась до его плеча:

– Отец!

Он обернулся быстро, как молодой человек, потому что еще сохранил ту живость, которую от него унаследовала и дочь. Его ум и тело оставались до сих пор подвижными.

– Дорогая, – сказал он, – я всюду узнал бы твой голос! Все эти годы он звучал у меня в ушах. Благодарю тебя, дорогая, за то, что ты вернулась ко мне. И благодарение Богу, что ты уцелела во время бедствия, погубившего столько других!..

Следующая неделя прошла для Бениты ужасно. Старые друзья ее отца пригласили его с дочерью к себе в дом. После первого возбуждения от встречи у нее наступила неизбежная реакция, а вместе с тем пришла и слабость, до того страшная, что доктор велел ей лежать в постели и пять дней не вставать. Рана на ее голове вскоре зажила; постепенно вернулись и силы. Все еще печальная, Бенита однажды медленно вышла на веранду и взглянула на жестокое море, сейчас тихое, как и небо над ним.

Мистер Клиффорд, который все время нежно ухаживал за дочерью, подошел и сел рядом с нею, взяв ее за руку.

Клиффорд заметил, что история спасения Бениты стала быстро известна в городе, что Сеймура называли героем и многие желали видеть ее. Бенита предложила отцу уехать как можно скорее, но прибавила:

– Я не хочу жить в городе, не хочу возвращаться в Англию, – ответила она. – Африка стала для меня святой землей. Отец, поедem на ферму и будем там спокойно жить вдвоем.

– Да, – ответил он. – Но мы будем не вдвоем; мой компаньон, Джекоб Мейер, живет в моем доме.

– Джекоб Мейер? А, помню! – и Бенита поморщилась.

– Он немец?.. И очень странный?

– Кажется, немец и, действительно, очень странный человек. Он нехороший человек, Бенита, хотя и нужный мне, и я из-за контракта не могу отделаться от него.

– Как он стал твоим компаньоном? – спросила Бенита.

– Много лет тому назад Мейер явился ко мне и рассказал грустную историю. По его словам, он вел торговлю с зулусами, но почему-то поссорился с ними, – уж не знаю, почему. Кончилось тем, что они сожгли его фуру, украли его волов и товары, а слуг перебили. Они убили бы также и его, если бы он, судя по его собственным словам, не спасся от них каким-то странным образом.

– Как именно?

– Он уверял меня, будто ему удалось при помощи месмеризма загипнотизировать их вождя и заставить провести через лагерь. Это довольно странно, но я верю... Он проработал у меня шесть месяцев и оказался очень умным и ловким человеком. И вот однажды ночью, – я отлично помню, что это случилось через несколько дней после того, как я рассказал ему о португальском сокровище в стране матабелов, – Мейер достал из-под подкладки своего жилета пятьсот фунтов английскими бумажками и предложил продать ему половину доходов от фермы. Да, пятьсот фунтов, хотя все эти месяцы я считал его нищим! Ну, благодаря тому, что он все-таки был мне товарищем в безлюдной стране, я, наконец, согласился. С тех пор наши дела шли хорошо, хотя экспедиция за кладом не удалась. Впрочем, она нам больше, чем окупилась, благодаря перепродаже закупленной нами слоновой кости. Но на следующий раз наше предприятие удастся, – с увлечением прибавил Клиффорд, – то есть, конечно, если макаланги позволят нам обыскать их гору. Бенита улыбнулась.

– Мне кажется, тебе лучше заниматься разведением лошадей, отец, – сказала она.

– Выслушав всю историю, ты сама рассудишь. Впрочем, ты воспитывалась в Англии. Скажи, Бенита, тебе не страшно ехать к озеру Кристи?

– Чего страшно? – спросила она.

– Одиночества и Мейера.

– Отец, я родилась среди вельдов и всегда ненавидела Лондон; и я не боюсь ни одного человека на свете! Во всяком случае, я попробую пожить у тебя и посмотреть, как мне понравится твоя жизнь.

Глава V. Джекоб Мейер

Прошло более трех недель. Раз мистер Клиффорд приказал зяпярч в фуру волов, которые паслись, поедая сухую траву. Зулусский мальчик, бросивший животных, чтобы допить кофе с Гансом, с ворчанием поднялся и побежал за волами. Минуты через две Ганс упаковал вещи и сказал тихо:

– Кек баас (смотри, господин)!

Взглянув в указанную сторону, Бенита и Клиффорд увидели в сотне ярдов от себя стадо гну.

Животные шли по каменной гряде, время от времени останавливаясь, и принимались проделывать те удивительные прыжки, которые дают основание бурам уверять, что в их мозгу водятся черви.

– Дайте мне мое ружье, Ганс, – сказал Клиффорд. – Нам нужно мясо.

Когда превосходный «Вестли Ричард» был вынут из ящика и заряжен, на гряде остался один гну. Он увидел фуру, остановился, подозрительно осматривая ее. Клиффорд прицелился и выстрелил. Животное упало, но, вскочив, исчезло за каменной грядой. Клиффорд печально покачал головой.

– Я не часто делаю такие промахи, дорогая, но еще темно. Однако, он ранен. Как ты думаешь, не сесть ли нам на лошадей и не догнать ли его? Хороший галоп согреет тебя.

Добросердечная Бенита решила, что было бы милосерднее добить бедное животное и утвердительно кивнула головой. Через пять минут они уже ехали. Перед отъездом мистер Клиффорд приказал фуре ждать их и положил пакет патронов себе в карман. За каменной грядой простиралась широкая полоса болотистой равнины, дальше поднималась другая. Теперь воздух очистился, и все предметы вокруг виделись ясно. Клиффорд с дочерью поскакали за гну, но раньше, чем они очутились на расстоянии выстрела, он снова помчался вперед, так как был легко ранен в бок и угадал, откуда ему грозила опасность.

Как только они приближались, гну отбегал; наконец, когда мистер Клиффорд решил сойти с лошади и попробовать выстрелить, гну поскакал гораздо быстрее.

– Едем, едем, – сказал Клиффорд. – Не позволим ему уйти. – В нем заговорил охотник.

Они поскакали галопом, то поднимаясь на возвышенности, то спускаясь с откосов. Миль пять, по крайней мере, продолжалась эта скачка: гну был худ и мог быстро мчаться; несмотря на свою рану он скакал быстрее, чем их лошади. Наконец, поднявшись на одну гряду, они поняли, куда он направлялся, потому что внезапно очутились в громадном стаде; тысячи животных виднелись вокруг, насколько хватало глаз. Это была удивительная картина, которой теперь уже не увидишь, по крайней мере, на трансваальском вельде. Тут были гну, антилопы, дикие козлы в огромных количествах, а между ними квагги и дикие ослы. Замелькали мириады копыт, поднимая клубы пыли с почерневшего вельда; исполинское стадо рассеялось при появлении своего врага – человека. Длинными вереницами мчались животные в разные стороны.

В этой громадной впадине, похожей на кубок, остался только один раненый, измученный гну.

К нему двигались охотники; наконец Клиффорд, который скакал немного впереди дочери, почти догнал его. Тогда бедное, обезумевшее животное попробовало защититься. Гну внезапно остановился, повернулся на одном месте, опустил голову и кинулся на своего преследователя. Клиффорд, державший ружье в правой руке, выстрелил. Пуля пронзила животное, но не могла остановить его нападения: низко наклоненные рога ударили передние ноги лошади, и в следующую секунду конь, человек и гну упали.

Бенита, находившаяся в пятидесяти ярдах от Клиффорда, вскрикнула, но не успела она подскочить к отцу, как он со смехом поднялся, потому что не получил раны. Лошадь тоже

вскочила, но гну не двигался, он не мог встать, попытался было подняться на передние ноги – из его горла вырвался какой-то рыдающий стон; он дико огляделся и упал мертвый.

– Я никогда не думал, чтобы гну мог напасть таким образом, – сказал Клиффорд. – Несчастье! Кажется, у моей лошади испорчены ноги.

Действительно, гну ушиб ей передние ноги, Впрочем, не особенно сильно. Клиффорд привязал к одному рогу убитого животного носовой платок, чтобы отогнать коршунов, бросил несколько охапок сухок травы на его тело, собираясь прислать за своей добычей позже, сел на хроющую лошадь и двинулся обратно к фуру.

Заблудившиеся, голодные, промокшие насквозь, сидя на утомленных лошадях, из которых одна страшно хромала, они беспомощно блуждали по безлюдному вельду. Проблеск удачи мелькнул лишь однажды. Перед закатом лучи солнца на несколько коротких мгновений пронизали туман и указали заблудившимся, в какую сторону им следовало направиться. Они повернули лошадей к западу и ехали в этом направлении, пока не спустилась тьма. Путники на время остановились, но, чувствуя, что они погибнут без движения в этом ужасном холоде, снова пустились вперед. Теперь лошадь Клиффорда еле передвигала ноги; поэтому он сошел с нее и повел на поводу, горько упрекая себя за безумие, из-за которого они теперь подвергались такой опасности.

– Все равно, отец, – медленно сказала усталая девушка, – можно так же хорошо умереть на вельде, как в море или в другом месте.

И они двигались, сами не зная куда. Бенита заснула в седле, но спала тревожно. Один раз она проснулась от воя гиены, в другой – от того, что ее лошадь упала на колени.

– Который час? – спросила она наконец.

Ее отец зажег спичку и взглянул на часы. Они показывали десять. Пятнадцать часов тому назад они уехали от фуры и с тех пор ничего не ели. Совершенно истомленные путники еле двигались вперед. Вдруг Бенита почувствовала, что ее лошадь внезапно остановилась, точно сильная рука схватила ее под уздцы; в то же мгновение мужской голос, говоривший с иностранным акцентом, произнес:

– Mein Gott, куда вы едете?

– Сама не знаю, – ответила она, как во сне.

Лунный свет рассеял туман, и Бенита в первый раз в жизни увидела Джекоба Мейера.

При лунном свете его наружность не казалась неприятной: это был человек лет сорока, не слишком высокий, стройный, с черной, остrokонечной бородкой, с бледным, как слоновая кость, лицом, не загоревшим даже под африканским солнцем, и с черными блестящими глазами, которые то, казалось, засыпали, то загорались какой-то тайной мыслью.

– Хорошо, что успел навстречу вам. И, знаете, мной руководила не мысль, в как бы это сказать? Инстинкт. Посмотрите, Клиффорд, мой друг, куда вы привезли вашу дочь, посмотрите же, посмотрите!..

И он указал вниз.

Клиффорд и Бенита наклонились, вглядываясь. Как раз под ними виднелась пропасть, и лунные лучи не достигали ее дна.

– Нехороший вы путешественник по вельду, Клиффорд, мой друг. Сделай животные еще один шаг, и там внизу лежали бы два окровавленных трупа с торчащими из них обломками костей... Да, там на глубине в пятьсот футов. О, вы оба крепко спали бы сегодня ночью!..

– Где же мы? – с удивлением спросил Клиффорд. – Неужели это обрыв Леопарда?

– Да, именно. Вы двигались по гребню горы. Конечно, хорошо я сделал, что приехал сюда... Я думаю, ваша дочь бессознательно внушила мне эту мысль, так как я чувствую, что она принадлежит к числу тех, кто способен на это. Намерение приехать сюда возникло у меня внезапно; меня точно ударили. Я разыскивал вас повсюду, узнав, что вы потеряли вашу фуру, и вдруг что-то мне сказал:

«Поезжай к Обрыву Леопарда, скорей». И я скакал, по камням, в темноте, в тумане, под дождем, и не пробыл здесь и минуты, как мне пришлось придержать лошадь мисс Клиффорд.

– Мы очень благодарны вам, – прошептала Бенита.

– Тогда, значит, я вполне вознагражден. Нет, я вам благодарен, я спас вам жизнь благодаря мысли, внушенной вами.

– Была ли эта мысль или не была – все хорошо, что хорошо кончается, – нетерпеливо прервал его Клиффорд.

– И, слава Богу, мы всего в каких-нибудь трех милях от дома. Вы покажете нам дорогу, Джекоб?

Они двинулись с холма. Мейер молчал, казалось, сосредоточив все свое внимание на том, чтобы найти удобный спуск, на котором лошади не спотыкались бы. Молчала и Бенита – она была слишком утомлена, так утомлена, что не могла больше управлять своим умом и воображением. Ей показалось, что она вдруг заняла какое-то особое, странное место в жизни этого человека.

Вообще, она была очень рада, когда они спустились на равнину, пересекли ложе ручья и, наконец, остановились подле дома с освещенными окнами.

– Вот и ваш дом, мисс Клиффорд, – прозвучал голос Джекоба Мейера. – И я благодарен судьбе, управляющей нами, что она помогла мне благополучно доставить вас до «пристани».

Ничего не отвечая, Бенита соскользнула с седла, почувствовала, что не может удержаться на ногах, и упала на землю. С легким восклицанием Мейер ее поднял, велел двум кафрам взять лошадей и отнес молодую девушку в дом.

– Вам нужно сейчас же лечь в постель, – сказал он подле двери, выходящей из гостиной. – Я велел затопить камин в вашей комнате на случай вашего приезда, и старая тетка Салли принесет вам бульон с водкой и горячей воды, чтобы согреть ноги. Ах, вот и ты, старая фру. Иди, помоги этой леди, твоей госпоже. Все готово?

– Все, баас, – ответила толстая поселанка с добрым лицом. – Пойдемте, малютка, я раздену вас.

Через полчаса Бенита, которая выпила водки больше, чем когда-либо в жизни, была закутана и крепко спала.

Когда она проснулась, солнечный свет лился сквозь занавешенное окно, и при свете она увидела, что часы, стоящие на камине, показывали половину двенадцатого. Она проспала почти двенадцать часов и почувствовала, что вполне здорова и даже голодна. Только небольшая усталость и какое-то неприятное тупое чувство в голове, может быть, следствие непривычного для нее алкоголя – остались у девушки.

С веранды донесся голос Джекоба Мейера; он приказывал туземцам перестать петь, так как они разбудят «госпожу», которая спит. Говоря о ней, он употребил зулусское слово «никози-кааз», которое, как Бенита помнила, означало «повелительница» или «предводительница». Она нашла, что он очень заботлив и почувствовала к нему благодарность, и не сразу вспомнила, до чего он не понравился ей сначала.

Глава VI. Дукат

С той памятной ночи, когда Бенита приехала в Руи-Крантц, прошло около шести недель. Наступила весна, вельд казался изумрудным от густой травы, и на нем пестрели цветы. Только сердце Бениты было мертво и пусто...

Она целыми днями думала, а по ночам грезила о человеке, который хладнокровно принес в жертву свою жизнь, чтобы спасти погибавшую женщину и ее малютку. Она спрашивала себя, мог ли он сделать это, если бы узнал тогда ее ответ?

Никаких известий не приходило больше о Роберте Сеймуре, и трагедия парохода «Занзибар» уже была забыта. Живые погребли своих мертвых, и с тех пор в мире произошло много еще худших событий.

Но Бенита не могла забыть своего Роберта. Она ездила верхом по вельду, сидела на берегу озера, наблюдая за дикими птицами или слушала, как ночью их стаи пронеслись над нею; прислушивалась к воркованию голубок, к завыванию выпи в тростниках, считала животных, бродивших по холмам, чтобы отвлечься от грустных мыслей, она искала утешения в природе, но не находила его; искала отрады в звездном небе, но блестящие огоньки были так далеко... В душе ее царил смерть, хотя ее цветущая внешность говорила о другом.

Ей было приятно беседовать с отцом, потому что он любил ее, и его любовь поддерживала ее израненное сердце. Джекоб Мейер тоже занимал ее, потому что теперь, когда безотчетное боязливое чувство замерло в ней, он казался Бените очень интересным и, до известной степени, образованным человеком.

Он рассказывал, что родился в Германии, позже был отослан в Англию, чтобы избежать воинской повинности. Там он сделался клерком в доме южно-африканских купцов и, благодаря своим способностям, получил должность заведующего отделением этого дома в Капской колонии. Что случилось с ним там, Бенита никогда не узнала, но, вероятно, он проявил себя далеко не с лучшей стороны. Во всяком случае, его связь с фирмой прекратилась, и он на несколько лет сделался путешественным торговцем, а потом компаньоном его отца.

Какого бы ни было прошлое Джекоба, его можно было назвать необычайно способным человеком и приятным собеседником. Именно он написал акварельные картинки, украшавшие ее комнату, играл он и пел тоже очень хорошо.

Кроме того, как и говорил Роберт Сеймур, Мейер много читал и интересовался вопросами, которые не часто изучают в Южной Африке; у него была целая библиотека, по большей части, философских, исторических и научных сочинений. Он охотно предоставил Бените свои книги. Но беллетристики он не любил, говоря, что истинная жизнь, ее тайны и загадки гораздо интереснее воображаемых приключений.

Раз вечером, когда они вместе гуляли по берегу озера, наблюдая, как отсвет вечерней зари дрожал на поверхности воды, любопытство Бениты заставило ее спросить Мейера, почему человек с его способностями довольствуется той жизнью, которую он сейчас ведет.

– Я живу так, чтобы иметь возможность потом жить лучше, – был ответ. – О, не на небесах, мисс Клиффорд, потому что о них я ничего не знаю, да, как мне кажется, о них и знать-то нечего... а здесь, здесь, на земле.

– Что вы называете «жить лучше», мистер Мейер? – спросила она.

– Я говорю, – и его черные глаза вспыхнули, – о большом богатстве и той власти, которое оно дает. Ах, я вижу, вы считаете меня низким материалистом, но в здешнем мире деньги, мисс Клиффорд, деньги – это все!

Она улыбнулась и ответила:

– Боюсь, что здесь, на возвышенности вельда, мистер Мейер, ваше богатство – одна фантазия. Вряд ли вам удастся добиться богатства, разводя лошадей.

– А вы думаете, что я остаюсь на ферме Руи-Крантц, чтобы разводить лошадей? Разве ваш отец не говорил вам о сокровище, зарытом в стране макалангов?

– Я слышала о нем, – во вздохом ответила она, – а также знаю, что оба вы однажды отправились отыскивать клад, но без успеха.

– Ага, утонувший англичанин, мистер Сеймур, говорил вам об этом? Он нас застал там.

– Да, и вы хотели его застрелить. Помните?

– Бог великий! Да я думал, будто он собирается ограбить нас. Я не стрелял, и скоро нас выгнали из этого места, потому что глупые туземцы не позволили копать землю.

– Так почему же вы все еще думаете о сокровище, вероятно, не существующем?

– Почему, мисс Клиффорд, вы также думаете иногда о вещах, которые, вероятно, не существуют? Может быть, потому, что вы чувствуете, что тут или где-то в другом месте, они все-таки существуют. То же чувствую и я относительно этого сокровища. Оно – факт, и я найду его.

Поэтому-то я и продолжаю разводить лошадей на трансваальской ферме. Ах, вы смеетесь, вы думаете, что это мой кошмар?

Он не договорил, увидев старую служанку, которая показалась из-за выступа гор, и раздраженно спросил:

– Что там такое?

– Баас Клиффорд желает поговорить с вами, баас Джекоб. К вам издалека пришли какие-то люди, с известиями.

– С какими известиями? Какие люди? – спросил Джекоб.

– Не знаю, – ответила Салли, обмахивая свое толстое лицо большим желтым носовым платком. – Какие-то незнакомые мне люди, они исхудали от дороги и говорят по-зулусски. Баас просит, чтобы вы пришли.

– Вы тоже пойдете, мисс Клиффорд? Нет? Тогда простите, я оставлю вас. – И он ушел, приподняв шляпу.

Бенита села на берегу озера и пробыла там долго. Дикае гуси тянулись над ее головой. Потом она направилась домой, не думая больше о Мейере, чувствуя только, что ее утомила ферма, где ничто не занимало ее по-настоящему, не отвлекало от тяжелой печали.

За обедом или, вернее, за ужином, она заметила, что ее отец и Мейер с трудом сдерживали волнение.

– Вы застали пришедших, мистер Мейер? – спросила она, когда Джекоб и ее отец закурили трубки, и на стол поставили «широколицего», как в те времена называли голландские сыры.

– Да, – ответил он. – Они и теперь сидят в кухне, – и он посмотрел на Клиффорда.

– Бенита, дорогая, – сказал отец, – случилась очень любопытная вещь. – Ее лицо оживилось, но он покачал головой, сказав: – Нет, нет, это не касается крушения парохода. Но все же новость может заинтересовать тебя, если ты не прочь выслушать один рассказ.

Бенита утвердительно кивнула головой, она радовалась всему, что могло занять ее мысли.

– Ты кое-что знаешь о кладе, – продолжал старик. – Вот в чем дело. Много лет тому назад, после того, как ты и твоя мать уехали в Англию, я отправился в глубь страны, чтобы поохотиться на крупную дичь. Со мной был старик по имени Том Джексон-Перекасти Поле и один из лучших охотников на слонов во всей Африке. Дело шло недурно, кончилось тем, что на севере Трансвааля мы разделились с ним; я повез на юг клыки убитых животных, а Том остался еще на один охотничий сезон, говоря, что позже отыщет меня и мы разделим деньги. Я приехал сюда, купил эту ферму у одного бура, которому она надоела, и заплатил за нее довольно дешево, я дал сто фунтов за шесть тысяч акров. Скоро я выстроил новый дом. Только через год мы свиделись с Томом Джексонем, но он был, что называется, еле жив. Беднягу ранил

слон, и он несколько месяцев пролежал в поселении племени макалангов, к северу от страны матабелов, которое называется Бомбатце.

Эти макаланги странный народ. Кажется, их название значит «дети солнца», во всяком случае, они потомки какой-то расы. Ну, вот, пока Том лежал там, он вылечил старого Молимо, верховного жреца этого племени, от жестокой лихорадки, давая ему большие дозы хинина; это исцелило старика, и они, понятно, подружились. Молимо жил в развалинах, которых так много в южной Африке. Сейчас никто не знает, кто их выстроил, вероятнее всего, народы, жившие там несколько тысяч лет тому назад. Как бы то ни было, Молимо открыл Тому Джексону легенду позднейшего происхождения, которая связана с Бомбатце.

Он сказал, что за шесть поколений до нашего времени, когда его пра-пра-пра-дедушка был вождем племени (по его выражению «Мамбо»), туземцы всей этой части южной Африки восстали против белых поселенцев – предполагаю, португальцев, – которые добывали золото. Туземцы целыми тысячами убивали их и их рабов, оттесняя с юга, где теперь властвует Лобенгула, к Замбези, по которой португальцы надеялись добраться до моря. Наконец, все уцелевшие, всего каких-нибудь две-три сотни мужчин и женщин, пришли в крепость под названием Бомбатце, в которой теперь живет Молимо среди громадной развалины, выстроенной древними на неприступной горе над рекой. Они принесли громадное количество золота, в надежде увезти его потом с собой. Однако даже достигнув реки, они не могли спастись по ней, потому что туземцы, которые целыми тысячами гнались за ними, день и ночь сторожили в своих челнах, а у бедных беглецов не было лодок. Португальцы заперлись в крепости. Взять ее штурмом не было возможности, но они погибли в ней от голода.

Когда узнали, что они все умерли, туземцы, следившие за ними и жаждавшие крови и мести, а не золота, которое не могло принести им пользы, ушли. Предок Молимо, который знал тайный ход в крепость и хорошо относился к португальцам, пробрался в Бомбатце и там, среди мертвых, нашел еще живую девушку, полубезумную от горя; это была молодая и красивая дочь одного из португальских знатных людей или предводителей. Он выходил ее, однако ночью, когда к ней вернулась сила, она ушла от него, и на рассвете он увидел ее на вершине, над рекой; она стояла вся в белом.

Он созвал своих советников, и они вместе стали уговаривать ее сойти с утеса, но она ответила: – Нет, мой жених, вся моя семья и все друзья умерли, и я хочу последовать за ними. – Тогда они спросили ее, где хранится золото, так как день и ночь наблюдая за португальцами, отлично знали, что сокровище не было брошено в реку. Она ответила, что золото скрыто и что как бы туземцы его ни искали, они никогда его не отыщут. Потом прибавила, что отдаст клад на сохранение Мамбо и его потомкам до тех пор, пока на земле снова не появится женщина ее имени. Сказав, что если они не исполнят ее завета, дикари, убившие ее отца и всех близких, убьют также и их народ, она замолчала, стоя высоко над рекой, потом внезапно кинулась в воду и исчезла.

С тех пор считается, что развалины посещает дух, и кроме Молимо, который входит в крепость для размышлений, никому не позволено вступать в ее верхнюю часть. Действительно, туземцы скорее умрут, чем нарушат этот запрет. Итак, золото по-прежнему лежит там, где оно было спрятано. Самого этого места Том Джексон не видал, потому что, несмотря на расположение к нему, Молимо не впустил его туда.

Том не поправился. Он умер здесь и его похоронили на маленьком бурском кладбище за нашим домом. Вскоре после его смерти мистер Мейер сделался моим компаньоном. Я ему рассказал всю эту историю, и мы решили попытаться достать сокровище. Остальное ты знаешь. Мы отправились в Бомбатце под видом купцов, видели старого Молимо, который знал, что я друг Тома Джексона. Мы спросили его, правду ли рассказывал он Джексону, и старик ответил, что каждое слово его истории такая же истина, как то, что солнце светит в небесах. Этот рассказ и еще многое другое, о чем он говорил, передавалось от отца к сыну. Молимо прибавил, что

он даже знает имя той белой девушки, которая убила. Ее фамилия была Ферейра – фамилия твоей матери, Бенита, очень распространенная в южной Африке.

Мы попросили старика позволить нам войти в верхнюю часть развалин, но он отказал, ответив, что заклятие все еще лежит на нем, что туда не войдет ни один человек, пока дама по имени Ферейра не явится снова. Все остальное пространство было открыто для нас. Мы могли копать, где угодно. И мы копали, нашли золото, зарытое вместе с древними телами: бусы, кольца и проволоки, всего, приблизительно, на сто фунтов. А также (это случилось в тот день, когда молодой Сеймур встретился нам и стал причиной раздражения Мейера, думавшего, что мы напали на след сокровища) мы отыскивали золотую монетку, без сомнения, потерянную португальцами. Вот она, – старик бросил золотой на стол перед Бенитой. – Я показывал его человеку, знающему подобные вещи, и тот сказал мне, что это дукат, выпущенный одним из венецианских дождей.

Другие деньги мы не нашли. Наконец, макаланги поймали нас во время попытки пробраться украдкой в крепость, и предложили на выбор или уйти, или подвергнуться смерти. Понятно, мы уехали, потому что мертвым сокровища не нужны.

Клиффорд замолчал и набил трубку. Мейер рассеянно резал голландский сыр. Бенита смотрела на странный старинный золотой с пробитым отверстием и мысленно спрашивала себя, с какими ужасами и кровопролитиями был он связан.

– Оставь себе, – сказал отец, – его можно надеть на твой браслет.

– Благодарю тебя, милый, – ответила она, – хотя не знаю, почему я должна взять весь португальский клад, ведь больше мы не увидим из него ни одной монеты.

– Почему, мисс Клиффорд? – быстро спросил Мейер.

– Ответ в самом вашем рассказе, – сказала она, – ведь туземцы не позволят вам даже искать его, хотя поиски и находка – вещи совершенно разные.

– Туземцы иногда изменяют свои намерения, мисс Клиффорд. История еще не окончена, только начата, и скоро вы узнаете вторую главу романа. Клиффорд, я могу позвать «посланников»?

И не дожидаясь ответа, он вышел из комнаты.

Ни мистер Клиффорд, ни его дочь не сказали ни слова. Бенита старалась надеть золотую монету на маленькое кольцо от браслета. В глубине ее души шевелился какой-то странный страх, в котором она не могла себе дать отчета.

Глава VII. Посольство

Дверь отворилась, и в комнату вошел Джекоб Мейер. За ним через порог переступили три туземца. Но Бенита не обратила на них внимания: ее душа была далеко. В глубине комнаты, вся в белом (она носила траур только в сердце), освещенная лучами лампы, висевшей над ее головой, она стояла неподвижно, так как, сама не замечая того, поднялась со стула. На ее лице было странное выражение. Джекоб Мейер заметил его и остановился. Туземцы тоже остановились, глядя на белую Бениту и ее задумчивые глаза.

Один из них указал на нее своим тонким пальцем и что-то шепнул другим. Мейер, понимавший их язык, уловил этот шепот. Туземец сказал:

– Смотрите, дух горы!

– Какой дух и какой горы? – тихо спросил Джекоб.

– Это она появляется в Бомбатце, – ответил дикарь, все еще глядя на Бениту.

Она услышала этот шепот и поняла, что говорят о ней, хотя ясно не разобрала ни одного слова. Молодая девушка с усилием прогнала осаждавшие ее мысли и села в кресло. Тогда один за другим посланцы стали подходить к ней, каждый низко склонялся, дотрагивался до пола концами пальцев и пристально смотрел в ее лицо. Отцу ее они кланялись, поднимая только руку. Она с любопытством смотрела на них и, действительно, они выглядели любопытно; высокие, стройные люди с тонкими подвижными чертами лица. Очевидно, в них не было негритянской крови, скорее текла кровь какого-нибудь старинного народа, египтян или финикийн. Казалось, их праотцы были мудры и цивилизованны уже тысячи лет тому назад и, может быть, состояли при дворах фараонов или Соломона.

Покончив с приветствиями, посланцы молча уселись на пол рядом, запахнув свои меховые «кароссы», или плащи, и стали ждать. Джекоб Мейер подумал немного, потом сказал:

– Клиффорд, согласны ли вы переводить все вашей дочери? Я хочу, чтобы она точно знала все происходящее.

Потом он повернулся к туземцам.

– Вас зовут Тамас, Тамала и Хоба, и ты, Тамас, сын Молимо Бомбатце, называемого Мамбо, а вы, Тамала и Хоба – его советники. Так?

Они наклонили головы.

– Хорошо, Тамас, повтори все и снова передай данное тебе поручение, чтобы эта госпожа, госпожа Бенита, выслушала тебя, ее это тоже касается.

– Мы знаем, что касается, – ответил Тамас, – мы на ее лице прочли, что это ее касается больше всех: без сомнения, именно о ней вещал дух. Вот вы услышите из моих уст слова Молимо, ради которых мы пришли так издалека: «Четыре года тому назад вы, двое белых, посетили Бомбатце и попросили меня, Мамбо, допустить вас в святое место, позволив вам искать сокровище португальцев, которое они скрыли шесть поколений назад до нынешнего времени. Я отказал вам и не позволил войти в святилище, хотя даже я, наследственный хранитель сокровища, не знаю, где оно скрыто. Но теперь на меня свалилась беда. Я узнал, что Лобенгула, узурпатор, правящий матабелами, разгневался на меня по многим причинам, главное, за то, что я не посылаю ему достаточной подати. Мне донесли, что он будущим летом собирается отправить отряд, чтобы стереть с лица земли меня и мой народ и сделать мой крааль черным, как выжженный вельд. У меня нет силы противиться ему, могу чему, и мой народ не воинственный. Из поколения в поколение макаланги были купцами, земледельцами, работали над металлом, жили в мире – и теперь не желают убивать, или быть убитыми. И их немного. А потому у меня нет силы противостоять Лобенгуле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.